

КУЛЬТУРА

М.С. ГАЛИНА

Маркиз де Сад в стране Советов

**(Хрестоматия по русской литературе старших классов
средней школы как источник комплекса вины)**

1

В последнее время в средствах массовой информации нередко публикуют письма читателей, полагающих, что с преобразованием школьных программ - в особенности в гуманитарной части - мы после развала Советского Союза больше потеряли, чем приобрели. В частности, поступились гуманистическими традициями российской литературы в пользу "бездуховной западной масс-культуры с ее пропагандой секса и насилия". Ни в коей мере не пытаясь защитить "бездуховную масс-культуру", которая явно обладает избытком жизнеспособности и вполне может за себя постоять, я все-таки хочу остановиться на некоторых особенностях русской и советской литературы, каковой она была в школьной программе. Пожалуй, пришло время задуматься над тем, что, собственно, эта программа и литература из себя представляли. Для начала несколько цитат: "Дыбом стал бы ныне волос от тех страшных знаков свирепства полудикого века, которые пронесли везде запорожцы. Избитые младенцы, отрезанные груди у женщин, содранная кожа с ног по колено у выпущенных на свободу, - словом, крупного монетой оплачивали козаки прежние долги" [1, с. 299].

В первом случае пытаются, мучают и убивают доблестные запорожцы. Объект мучений - враг. Потом - наоборот: злодеи-враги мучают отважного Остапа. "Ни крика, ни стону не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах кости, когда ужасный треск их послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями..." [1, с. 317].

Хотя, если вдуматься, неизвестно, "кто первый начал", но для школьной программы и для советской критики в целом запорожцы явно свои. Этически амбивалентные, как и положено эпическому герою, деяния Тараса трактуются даже самыми достойными представителями отечественной критики как "...всепоглощающая верность общему делу, которому отдаются все душевные и физические силы фольклорного богатыря... окрашенное мягким юмором почти нежное отношение к боевым сподвижникам" [2, с. 8].

Эту литературную традицию можно и продолжить. «Но их поймали лютые жандармы, одного забили до смерти, а другого начали пытать. Выкололи ему глаза, повы-

дергали на голове все волосы. А потом разожгли докрасна тонкую железяку и начали ее заправлять под ногти...

Про-ок-лятые! - ахнула Акимова жена, всплеснув руками. - Под ногти?

Под ногти... Спрашивают: "Говори, кто из вас еще в ячейке состоит, и отрекайся от комсомола". "Не скажу вам, вампиры, и не отрекусь!" - стойко отвечает тот комсомолец. Жандармы тогда стали резать ему шашками уши, нос отрезали. "Скажешь? - "Нет, говорит, умру от вашей кровавой руки, а не скажу! Да здравствует коммунизм!". Тогда они за руки подвесили его под потолок, внизу развели огонь» [3, с. 8]. "Сережа молчал, когда его били, молчал, когда Фенбонг, скрутив ему руки назад, вздернул его на дыбу, молчал, несмотря на страшную боль в раненой руке. И только когда Фенбонг проткнул ему руку шомполом, Сережа заскрипел зубами..." [4, с. 710].

Конечно, никакого совпадения тут нет - налицо определенная тенденция. Как уже неоднократно отмечалось, мы имеем дело с традицией житийной литературы, когда положительный герой мужественно переносит пытки - ради веры или идеи. Но почему именно эта литература изобиловала в школьной программе? Разумеется, гуманитарные дисциплины - во всяком случае в той мере, в какой они входят в школьную программу, - всегда были ангажированными. Но литературе досталось особенно, поскольку она отвечала не за отдельные аспекты утвержденной Минпросом картины мира, но должна была формировать эту картину в целом. Именно на учителей словесности была возложена самая ответственная задача - "поиски психолого-педагогических механизмов, при помощи которых можно было бы управлять процессом формирования ученика, изучающего литературу" [5, с. 10].

Качества, которые русская, а впоследствии и советская литература должна была взрастить в ученике, в сущности, и не скрывались. Речь идет, во-первых, о постоянной ориентации на подвиг, на самопожертвование. "Величайшая почесть, о которой мечтали революционные вожди человечества, оказалась их достоянием: эта почесть состояла в том, что *по телам* (курсив мой. - М.Г.) павших в бою товарищей прошли тысячи и миллионы новых борцов, столь же бесстрашных, обеспечивших этим героизмом массы победу" [6, с. 277].

Кто из нас удосужился вчитываться в ленинские откровения? А стоило бы задуматься - что за странная почесть такая? Тысячами и миллионами топтаться по телам своих соратников? Но и мы, и соратники, и павшие - все должны воспринимать это именно как почесть. Как высшую радость. Как исполнение величайшей мечты.

"Героическое поведение раскрывает готовность личности к подвижническому служению обществу, ее способность совершить подвиг во имя интересов народа. Советская литература обогатила содержание героического начала в мировом искусстве. И это закономерно. Ведь Октябрьская революция впервые в истории открыла перед личностью неограниченные возможности служения человечеству" [7, с. 233].

Неограниченные возможности, согласно методичкам, заключаются в способности беззаветно, не рассуждая, жертвовать собой. Подвиг становится естественным состоянием человека. Примеры стойкости, проявленной положительными героями во время чудовищных мучений, должны были, по замыслу методистов, развить у подростков волю и мужество: "Воля подростка нестойкая. Но в этот период начинает интенсивно формироваться жизненный идеал, это побуждает ученика к самовоспитанию, составной частью которого и являются задания по укреплению воли..." [5, с. 20].

Мужество же (что закономерно в данной системе) приравнивается к таким понятиям, как терпение и выносливость. Недаром, согласно тем же методичкам, при изучении "Василия Теркина" А. Твардовского "...закрепляется изображение фалеевского представления о мужестве, как о... прежде всего - воле, терпении, выносливости" [8, с. 9]. Недаром многих, вполне думающих и совестливых подростков искренне беспокоил вопрос - а могут ли *они* вынести эти чудовищные пытки? Литература обернулась примерочной вериг существующих и несуществующих мучеников.

Еще одним необходимым качеством, которое пыточная литература должна была взрастить в подростке, является ненависть. Собственно, литературу советской школьной программы можно рассматривать как "науку ненависти к врагу" [8, с. 38]. К какому врагу? А вот это уже вопрос! Ведь враг абстрактен. Те же самые пыточные действия производят над мучениками белогвардейцы, злодеи-кулаки, румынская сигуранца, гестаповцы... Ненависть нужно поддерживать в себе постоянно, как огонь в топке паровоза. Недаром в "теоретических" изысканиях того же Горького "ненависть" - одно из частотных слов. «Вы спрашиваете: "По каким признакам можно определить действительного пролетарского писателя?". Думаю, что таких признаков немного. К ним относится активная ненависть писателя ко всему, что угнетает человека извне его, а также изнутри... беспощадная ненависть к лентяям, паразитам, пошлякам, подхалимам и вообще к негодьям всех форм и сортов» [9, с. 332, 333].

Довольно широкий перечень объектов ненависти. Пусть кто-нибудь объяснит мне, что такое, скажем, беспощадная ненависть к пошлякам...

Разумеется, описание чудовищных пыток, которым подвергаются *наши*, мучений и вражеских издевательств были необходимы еще и для оправдания жестокости и бесчеловечности сначала "диктатуры пролетариата", затем - "страны победившего социализма". Это как бы заранее выданная "новому характеру социалистического гуманизма" индульгенция. «Как правило, учителя справляются с непростой задачей объяснения революционной необходимости некоторых "жестоких"... поступков Левинсона (отравление Фролова, расстрел мужика, выдавшего Метелицу, и т.д.). Реже удается другое: раскрыть эти хрестоматийно известные факты как часть системы гуманистических убеждений коммунистов... Учитель должен показать, что Левинсон страдает, приказав забрать свинью у корейца; с трудом и болью решает вопрос о Фролове и т.д.» [8, с. 8]. Как тут не вспомнить оруэлловское "любовь - это ненависть"! Но помимо запланированного, предусмотренного результата подобной обработки идеологи Системы вполне могли получить результаты побочные. Незапланированные. Возможно, о них имеет смысл поговорить подробнее.

Известно, что раздражитель необходимо постоянно усиливать, иначе наступает привыкание. И правда - если в романе "Как закалялась сталь" Н. Островского описание еврейского погрома и пыток, а затем и казни молодой коммунистки Вали Брузжак изложено без столь популярных впоследствии подробностей, какой-то скороговоркой, то чем дальше, тем подробней, тем сладострастней становятся описания пыток. Вот, скажем, знаменитая сцена убийства семьи бедняка Хопрова в "Поднятой целине" Шолохова: "Он слышит звуки хрипенья и возни в углу, Половцев упал на женщину, подушкой придавил ей лицо и крутит, вьет рушником руки. Его локти скользят по зыбким, податливо мягким грудям женщины, под ним упруго выгибается ее грудная клетка. Он ощущает тепло ее скользко бьющегося в попытках освободиться тела, стремительный, как у пойманной птицы, стук сердца. В нем внезапно и только на миг вспыхивает острое, как огонь, желание, но он рычит и с яростью просовывает руку под подушку, как лошади, раздирает рот женщине. Под его скрюченным пальцем резиново подается, потом мягко ползет разорванная губа, палец - в теплой крови, но женщина уже не кричит, глухо и протяжно: в рот ей до самой глотки забил он скомканную тряпку..." [3, с. 74, 75].

А вот почти симметричная ей сцена: "И тут он начинает раздавать нам удары по всему телу, а мы, со своей стороны, стараемся увернуться... Словно безумный, мечась по углам комнаты, негодяй преследует свои жертвы, нанося без разбору удары так, что мы быстро покрываемся кровью. В конце концов ему удается загнать нас в узкий проход между стеной и изголовьем кровати и здесь сила его ударов удваивается. Несчастная Аманда, получив от Клементя чудовищный удар розгой в грудь, теряет равновесие, что и приводит монаха в экстаз" [10, с. 161].

Полагаю, у Шолохова все же будет покруче. У де Сада все слишком смахивает на описание производственного процесса.

Казалось бы, причем здесь знаменитый маркиз? Литература школьной программы подчеркнута асексуальна (хотя в приведенной сцене из "Поднятой целины" все же есть и явная сексуальная компонента). Но, во-первых, недаром понятия "секс и насилие" так прочно сопрягались в умах наших пропагандистов - вслед за ненавидимым ими Фрейдом, во-вторых, и де Сада далеко не всегда занимала чисто сексуальная сторона вопроса. Де Сад, напоминая, был одним из выразителей идей просвещения. И полагал человека мерой всех вещей. А уж его высказывания о религии можно было с чистым сердцем включать в любую школьную программу: "Божество... всего лишь плод невежества одних и деспотизма других. Когда сильный хочет поработить слабого, он убеждает его, что бог освятил основы, и тот, забитый нуждой, тупо верит" [11, с. 36, 37].

В сущности, де Сад всего лишь логичен. Если Бога нет, почему бы не осквернить алтари?

"На большом столе Оноретту совершенно голую положили на живот, зажгли свечи и, поставив в головах образ Спасителя, на поясище несчастной осмелились совершить одно из самых страшных таинств" [11, с. 74]. Почему бы не надругаться над самым святым? "Лилечка... - сказала она... - Подыми мне кофточку, жжет..."

Лиля, сама едва двигавшаяся... осторожно завернула к подмышкам набухшую в крови кофточку, в ужас отпрянула и заплакала: на спине Ули, окровавленная, горела пятиконечная звезда" [4, с. 713].

Разумеется, второй отрывок писателя вовсе не для того, чтобы исследовать природу страсти и насилия. И нигилизма тут ни на грош. Он должен был вызвать в читателе сочувствие. Это очень житийный отрывок. Но кто поручится, что именно эта эмоция возникала у каждого из многочисленной (почти все население бывшего Советского Союза) аудитории читателей?

Даже весьма скептически относившийся к теории психоанализа (особенно применительно к искусству) Л. Выготский соглашался с психоаналитиками в том, что "художественное произведение вызывает наряду с сознательными аффектами также бессознательные, гораздо большей интенсивности и часто противоположно окрашенные" [12, с. 156]. Иными словами, гневный, подробный обличитель зверств и пыток далеко не всегда пылает праведным гневом... даже когда не отдает в этом себе отчета.

По мнению Фрейда, жестокость и половое влечение ("секс и насилие", выражаясь языком наших пропагандистов) связаны самым неразрывным образом [13, с. 140]. Разумеется, никаких сексуальных эмоций хрестоматийная литература подобного рода вовсе не намеревалась вызвать у читателя. Но то, что житийная литература *может* восприниматься как сексуальная, все же несомненно. "В десятилетнем возрасте попали ко мне в руки жития мучеников. Я помню, с каким ужасом, который, собственно, был восторгом, читал, как они томились в темницах, как их клали на раскаленные колосники, простреливали стрелами, варили в кипящей смоле, бросали на растерзание зверям, распинали на кресте, - и самое ужасное они выносили с какой-то радостью. Страдать, терпеть жестокие мучения - все это начинало представляться мне с тех пор наслаждением..." [14, с. 67]. Это, разумеется, крайний случай, но некий элемент наслаждения пытками так или иначе присутствует в пылкой патетике героических романов. Пусть даже наслаждаются осуждаемые и ненавидимые палачи.

Ситуация усложнялась еще и тем, что именно на описания пыток инструкции делали чуть ли не основной упор. Поскольку, повторюсь, эти фрагменты, с одной стороны, рассматриваются как инструмент для воспитания воли, терпения и самопожертвования, с другой - являются средством для формирования ненависти к врагу. "Когда же фашистам удастся захватить подпольщиков, их зверства становятся изощренными. Они выкалывают глаза Виктору Петрову, отрубают ступню Анатолию Попову, ломают руку Сергею Тюленину, вырезают звезду на спине Ули Громовой, бьют мать Сергея Тюленина в присутствии сына и пытают сына на глазах у матери" [5, с. 171]. Это уже выжимки, дайджест, но выжимки весьма симптоматичные - от

увесистого произведения ничего не остается, кроме во всех смыслах *методического* перечисления пыток. Теоретически рекомендуемый отрывок должен иллюстрировать бесчеловечность фашистов.

Но, как мы отмечали выше, что бы ни выплыло из темных глубин подсознания - мазохистский восторг мученика или десадовский синдром сверхчеловека-гедониста, наслаждающегося чужим страданием, - так или иначе подсознательная реакция будет отличаться от сознательной. А возможно, будет прямо противоположной.

Кто же виноват? Идеологи? Методисты? Сами писатели - или они ничего подобного в свои произведения вовсе не вкладывали? Разумеется, нет. Но ведь отнюдь не вербализованные намерения, какими бы благими они ни были, - скрытые мотивы формируют текст. "Всякое сознательное и разумное толкование, которое дает художник или читатель тому или иному произведению, следует рассматривать при этом как позднейшую рационализацию, то есть как некоторый самообман, как некоторое оправдание перед собственным разумом, как объяснение, придуманное постфактум" [12, с. 92].

И если вслед за Выготским определять художественное произведение как "совокупность эстетических знаков, направленных к тому, чтобы возбудить в людях эмоции" [12, с. 17], то какие эмоции может возбудить у подростка сцена убийства жены Хопрова? Пытки молодого гвардейцев? Кровавые эпизоды "Донских рассказов"? Еще одно "программное" житие - поэма М. Алигер "Зоя"? Ненависть? Сострадание? Чувство вины? Стыд? Удовольствие? Во многом зависит от того, с кем себя отождествляет читатель. Ведь просто отстраненно, безэмоционально читать художественный текст подросток не в состоянии. Он же все-таки не литературовед. Не профессионал. В данном случае ему приходилось отождествлять себя либо с ролью мученика, либо с ролью палача.

Но если он отождествлял себя с мучеником, кем бы этот мученик ни был - румынским комсомольцем, бедняком Хопровым, Ульяной Громовой, или, извиняюсь, Муму - еще одной безвинной жертвой русской литературы, - на кого потом будет направлен нерастраченный заряд гнева и ненависти? В данной системе этических координат врагом, как мы видели, может оказаться кто угодно - от истеричной барыни до белогвардейцев, от румынской охранки до гестаповцев... вплоть до самых обычных, заурядных людей, виноватых уже самой своей заурядностью... Подавленный, неутоленный гнев легко растравить и направить по адресу - опять же, по любому адресу. Какой простор для манипуляторов! А поскольку большинство этих произведений все же не поднимается до разряда высокой трагедии, сами по себе они не обеспечивают катарсиса. Да и то - даже если бы они по силе воздействия не уступали, скажем, "Гамлету" или "Королю Лиру", сама обстановка педагогического процесса будет мешать адекватному эмоциональному восприятию. Разрядка, гнев и обида выносились вовне.

Но сильнее даже гнева может оказаться подавленное чувство вины. И дело не в том, что оно является обязательным (по Фрейдю) компонентом мазохистских наклонностей [15] (в сущности, нормальных людей гораздо больше, чем это казалось первым психоаналитикам). Подобный психический дискомфорт возникает у каждого порядочного человека при виде чужих страданий, от которых он не в состоянии избавиться. Эта вина опять же не находит себе адекватной эмоциональной разрядки, провоцируя скрытые невротические состояния.

При определенных склонностях психики либо просто вследствие потаенного, но действительного защитного социального механизма, заставляющего принимать сторону сильного, читатель отождествляет себя с палачами. И благодаря безликости, универсальности, анонимности зла, размазанного по страницам романов, это не так уж сложно проделать. Как ни странно, именно такое отождествление способно обеспечить разрядку, которой лишен читатель, соотносящий себя с положительными героями. Собственно говоря, это и есть реализация скрытой садистской компоненты, заставляющей воспринимать тексты школьных хрестоматий именно в том их смысле,

который вкладывал в свои собственные откровения основоположник садизма. Но и в этом случае тоже может возникать чувство вины - именно вследствие понимания (возможно, полусознанного) нетрадиционности такого подхода к отечественной литературе.

Существует еще один вариант, казалось бы, наиболее безопасный в эмоциональном плане - простое, заурядное любопытство. Однако на деле такое заинтересованное наблюдение за чужими страданиями всего-навсего разновидность еще одного психического отклонения - вуайеризма. Страсть к подглядыванию, по Фрейдю, становится извращением, когда она связана с преодолением чувства отвращения [13, с. 138]. Что, собственно, и происходило, когда незрелый еще психически подросток зачитывал не украдкой, а "легализованно", по требованию педагога, подробнейшие описания пыток. Симптоматично, что именно вуайеризм, подглядывание, получил у нас такое широкое распространение. В сущности, все печально знаменитые собрания, посвященные моральному облику советского гражданина, все публичные чтения подметных писем в местком и парторганизацию, вся активная жизнедеятельность наших общественных работников и секретарей профкома и парткомов - разновидность вуайеризма.

Разумеется, любопытство к личной жизни сограждан и сослуживцев провоцировалось, с одной стороны, органами тотального контроля, с другой - являлось компенсацией отсутствия института эротической литературы и просто заурядных "мыльных опер", столь распространенных на Западе и вполне удовлетворяющих страсть к подглядыванию, в той или иной степени свойственную даже вполне душевно скомпенсированным людям. Но тексты, включенные во все школьные хрестоматии, да еще усвоенные душевно незрелыми подростками, давали дополнительный простор для реализации и этой скрытой тенденции.

В этом контексте нас не должна удивлять и посредственность большинства текстов, выбранных для школьной программы. Недаром, по меткому наблюдению того же Выготского, "Фрейд, говоря о сходстве романов с сублимированными фантазиями, вынужден взять за образец откровенно плохие романы, в которых сочинитель открыто угрожает массовому и довольно невзыскательному вкусу (в нашем случае - соцзаказу. - М.Г.), давая пищу не столько для эстетических эмоций, сколько для открытого изживания скрытых стремлений" [11, с. 101]. Выбиралось для изучения то, что можно было легко отформулировать, свести к голой схеме, к дайджесту, к идее. Но именно в таких романах скрытые мотивы, затаенные желания и страхи заказчика проступают наиболее отчетливо.

Еще одним свойством, отличавшим программную "родную литературу", была ее ненависть к так называемой "нормальной жизни" - ко всему тому, что пропаганда именovala "мещанством".

Из врезки к учебнику "Русская советская литература" (нечто вроде эпиграфа). *"Эпоха повелительно требует от литератора участия в строительстве нового мира, в обороне страны, в борьбе против мещанина, который гниет, разлагается и в любой момент может переползти в стан врагов, - эпоха требует от литературы активного участия в классовых битвах"* (Максим Горький) [7]. Ненависть к мещанину - вовсе не большевистская выдумка. Она отвечала еще романтической традиции, которая, казалось, к концу XIX века постепенно изживала себя. Но именно эта, в общем-то устаревшая романтическая традиция была взята на вооружение государственной пропагандой.

Человек, укорененный в быте, в семье, уже не такой доступный объект для манипуляции. А отсюда ненависть идеологов к обыденной жизни, к быту, к здравомыслию, которое подвиг если и приемлет, то уж в самом крайнем случае. Бытописание, столь распространенное в русской литературе конца XIX века, отвергается с яростью, с ненавистью: «Живая жизнь бывает *"заяптанна"* (курсив мой -

М.Г.) многими пустяками и подробностями... которые, однако, изрядно заполняют жизнь, и часто кажутся важнее, чем они есть на самом деле. Их вовсе не обязан показывать художник, совершенно не обязан» [16, с. 302]. Запятнана - слово, эмоционально окрашенное. В сущности оно означает "загрязнена", "опоганена", "опозорена". Живая жизнь опоганена заполняющими жизнь подробностями, которые, собственно, нормальную жизнь и составляют.

Мещанин, если задуматься, мог даже не сделать ничего плохого; согласно тому же Горькому, еще не успев переползти в стан врага. Он лишь способен это сделать - грозное, но, естественно, совершенно недоказуемое обвинение. И тем не менее мещанин опасен, как прокаженный (гниет заживо), и потому должен быть истреблен. Мещанин опасен, ибо он может пожертвовать Идеей ради семьи. "В республике, где люди не должны иметь иной семьи, кроме родины, где все новорожденные - дети родины... насколько крепко будут любить ее те, что изведают лишь ее заботу и с рождения будут знать, что лишь от родины можно ждать всего... вместе с дозой привязанности к родственникам они (дети. - М.Г.) неизбежно впитают предрассудки (часто опасные) этих родственников, их мнения, их идеи, способствующие удалению от общества, самопоглощению, а все гражданские добродетели станут для них абсолютно невозможными" [17, с. 166, 167].

Уже не раз отмечалось, что идеология тоталитарных режимов берет свое начало из гуманизма эпохи Просвещения. Тот же де Сад, в сущности, здесь не столько патологичен, сколько логичен - в этой системе родственные связи не нужны. Более того, вредны. Они мешают любви к Родине. А значит, необходимо учить жертвовать родственными и дружескими связями. Вот почему идеология подняла на щит несчастного мученика Павлика Морозова. Вот почему «в учебных и методических пособиях, посвященных творчеству Шолохова в X классе, указывается на необходимость привлечения особого внимания старшеклассников к "Донским рассказам", которые наряду с "Поднятой целиной" Шолохова будут формировать идейно-нравственный и эстетический облик учащихся» [8, с. 21, 26]. В частности, рекомендуется "сделать упор" на рассказы "Родинка" (детоубийство) и "Продкомиссар" (отцеубийство). А ведь эти два рассказа - не исключение. В "Донских рассказах" сыно-, брато- и отцеубийств побольше, чем в любой греческой трагедии! Вот откуда и три учебных часа, отведенных на "Любовь Яровую" К. Тренева - столько же, сколько на всего Блока. Возможно, даже великолепный и грозный "Тарас Бульба" попал в программу младших классов именно по этой причине. Недаром сугубо эпический, симметричный сюжетный ход (за убийство собственного, нелюбимого сына рок карает Тараса мучениями и гибелью сына любимого) понимается лишь как иллюстрация «морального принципа старого казака "породниться родством по душе, а не по крови"» [2, с. 8].

Но это - лишь одна причина многочисленных расправ с кровными родственниками на страницах программных произведений. Вторая причина прямо противоположна. Ничего удивительного в этом нет; показатель жизнеспособности тоталитарной идеологии - ее алогичность. Палачи мучают матерей положительных героев, а плохие люди - своих собственных матерей, чтобы у читателя укреплялась ненависть к врагу. При официальной сакрализации роли матери в социуме, при назойливом отождествлении ее с родиной такие издевательства, такое кощунство должны были вызвать особое возмущение.

Эта тема проглядывает уже в шолоховской "Поднятой целине" - сначала в рассказе о румынских комсомольцах, потом еще раз повторяется в истории о хозяйственном Якове Лукиче, уморившем мать голодом, чтобы не проговорилась, не выдала его комиссарам. Есть нечто подобное в "Донских рассказах". Не миновала этой темы и "Молодая гвардия": "Они сорвали одежды со старой женщины, матери одиннадцати детей, швырнули ее на окровавленный топчан и стали убивать проводами на глазах у ее сына. Сережа не отворачивался, он смотрел, как бьют его мать, и молчал" [4, с. 711]. Можно только пожалеть тех особо впечатлительных детей, которые отважились примерить на себя мученические вериги героев-комсомольцев... И испы-

тывавших законное сомнение относительно своей способности устоять под пытками, а заодно и все то же чувство вины, подкрепленное комплексом неполноценности - те-то смогли...

Разумеется, десадовский подход к проблеме матереубийства гораздо более логичен - старое должно уступить место новому, вот и все. "И вы, детишки, освободившись как можно быстрее от семейной набожности, - чистой химеры!- убедитесь, что вы ничем не обязаны существам, чья кровь произвела вас на свет" [17, с. 206]. Вернее, такой подход *был бы* более логичным, не страдай маркиз в этом вопросе некоторой навязчивостью, с которой он декларирует свою идею: "... и если существо, на которое я покушаюсь, - моя мать, выносившая меня во чреве, то что это меняет? <...> Поступая подобным образом, человек лишь уступает самому естественному из всех побуждений" [11, с. 38].

Против отца де Сад не столь предубежден, что позволило бы фрейдистам обвинить его не просто в эдиповом комплексе, но в его гомосексуальном варианте. Напомню, что эдипов комплекс, которым сам Эдип вовсе не страдал, поскольку предавался инцесту, не зная об этом, заключается в бессознательном отождествлении себя с отцом (или соперничестве с ним), причем мать рассматривается как сексуальный объект. Это у мальчиков. У девочек, естественно, - наоборот. "Слушай, сука! Ты абсолютно беззащитна... Что с тобой будет? Сама не знаю! Может быть, ты будешь повешена, колесована, распята, истерзана калеными щипцами, заживо сожжена... Выбор кары зависит от твоей дочери, именно она вынесет приговор. Но ты страдаешься, шлюха! О! Да, ты погибнешь только после тысячи предварительных пыток!" [17, с. 201].

Какие бы бессознательные мотивы ни лежали в основе этой сцены, сознательно маркиз использовал ее для иллюстрации излюбленной идеи: чтобы познать истинное наслаждение, нужно освободиться. А человек свободен только тогда, когда *избавляется от всего человеческого*. От морали, этики и естественных привязанностей. Кто поручится, что именно этот, очень близко лежащий вывод (а ведь нас уже убеждали во вреде кровных привязанностей) не сделал никто из подростков, приобщившихся к хрестоматийной литературе?

В действительности, могла ли вызвать психическую дестабилизацию, латентные неврозы подобная литература? Или говорить об этом без статистики в руках столь же бессмысленно, сколь бессмысленно - и, в сущности, несправедливо - утверждать, что западные боевики, являясь "апологией секса и насилия", провоцируют рост преступности в молодежной среде? Возможно, самая существенная разница между школьной литературой и западными боевиками заключается в том, что чтение подобной литературы было *обязательным*. Его не миновал никто.

Хочу сказать еще вот о чем. Де Сад у нас в стране достаточно долго был под запретом, что соответственно повышало к нему интерес читающей публики. Затем в какой-то момент он сделался разрешенным писателем. Естественной реакцией, казалось бы, должно было быть появление его книг на полках читающей части населения. Но когда - для вот этой статьи - мне понадобился де Сад, работать с ним пришлось в библиотеке. Выяснилось, что никто из моих знакомых, людей вполне культурных, его не держит. То ли посчитали его приобретение дурным тоном, то ли просто он оказался им неприятным, либо не стоящим внимания. И уж во всяком случае, никто не стал бы навязывать его детям. Но ведь "Поднятая целина" Шолохова тоже отнюдь не детская вещь. А читать ее *заставляли*. Быть может, я не права? И никакого скрытого сладострастия, никакой вины и стыда - ничего, кроме наивного желания вызвать праведный гражданский гнев и обратить свою ненависть на врагов коммунистического строительства не таят в себе эти великие произведения? В той же "Поднятой целине", которую по праву можно считать истинной энциклопедией ужасов, есть очень симптоматичный фрагмент. Половцев - матерый офицер, славившийся еще на германской войне жестокостью в обращении с казаками, убийца беззащитных и тайный враг коллективизации - рассказывает: "... у меня в детстве был

такой случай... у нас был щеночек маленький, я с ним как-то играл, как видно, больно ему сделал. Он меня и цапнул за палец, до крови прокусил. Я разъярился, схватил хворостину и стал его пороть. Он бежит, а я догоняю и порю, порю... прямо-таки с наслаждением... И до того засек, что он весь обмочился и уже, знаешь, не визжит, а хрипит да всхлипывает... и вот тогда я взял его на руки... да так разревелся сам от жалости к нему, что у меня сердце зашло! Судорога со мной сделалась!" [3, с. 151].

Вероятно, можно было бы со спокойным сердцем закрыть тему, - дело-то прошлое, - если бы на заботливо подобранных произведениях русских и советских классиков не возвращались бы несколько поколений граждан советского (а потом уже и постсоветского) государства. А коллективное бессознательное не умирает в один миг. И еще потому, что сейчас, как часто у нас бывает, намечается обратная тенденция, обратный откат - не появятся ли у нас в школьных программах столь же экспансивные описания ужасов сталинизма и тоталитаризма?

Кстати говоря, исследователи уже отмечали роль комплекса вины в воспитании "бывшего советского человека" - скажем, учебники для начальной школы конца 40-х предлагали "маленькому человеку массу ситуаций, в которых он чувствует себя виноватым. Человек постоянно ощущает давление разнонаправленных ценностей. Что правильнее: дать или не дать товарищу пионерский галстук, (что) выше - чувство товарищества или святость галстука? <...> Ничто, кажется, не спасает от губительного шага, так тонка грань, отделяющая от греха" [18, с. 45]. Иными словами, вина за намерения, за несуществующие, гипотетические проступки культивировалась еще в начальной школе.

Комплекс вины - весьма удобная для манипуляций штука. Тем более если эта вина постоянно навязывается, но не формулируется. Размазана по всему бытию, ибо нормальное бытие, т.е. быт, уже есть преступление (вспомним пламенный призыв Маяковского свернуть головы канарейкам). Но нормальный человек инстинктивно игнорирует идиотские слоганы. Значит, норму нужно подменить психопатологией. Изменить сознание, взрастив (или проявив) в нем доселе скрытые и не лучшие личностные задатки, которых и впрямь можно стыдиться. Не возвращением ли глубокого, подавленного комплекса вины и занималась - под видом просвещения - наша отечественная идеология в лице ее педагогики? Не выпускала ли в свет декомпенсированных невротиков - поколение за поколением? Чтобы в урочный момент канализировать этот невроз, направить его в потребное русло или укрепить ценность того единственного критерия, по которому необходимо выверять любой свой поступок.

Согласно тому же горьковскому воззванию, обыденная жизнь - удел того, кого наши идеологи именовали "мещанином", - превращается в нечто преступное (он еще ничего ни сделал, но в любой момент может...), постыдное (ползет, гниет и разлагается). Мещанин, обыватель, - в сущности, нормальный, средний, этически и психически скомпенсированный человек, - превращается усилиями пропаганды в хтоническое змееподобное чудовище, в ходячий труп. Нормы следует стыдиться - против нее борется вся Эпоха. В лице ее литературы. Воспитание стыдом?

На всю жизнь я запомнила то, почти нескрываемое удовольствие, с которым зачитывала наша преподавательница по русской литературе отрывок из "Поднятой целины" Шолохова - о том, как убивали бедняка Хопрова. И дойдя до особенно острого момента, поднимала учеников, заставляя их продолжать. Возможно, я бы и приписала склонность к подобного рода странным развлечениям лично нашей наставнице, если бы примерно то же самое не проделала на уроке украинской литературы (дело было в Одессе) совсем другая женщина, по очереди поднимая тихих еврейских мальчиков и девочек зачитывать вслух отрывок из "Гайдамаков" Т. Шевченко, тот, где погромщики издеваются над несчастным шинкарем Лейбой. Ничего другого, достойного декламации, у великого украинского поэта, видимо, не нашлось. Добавлю - в отличие от бесстрашных коммунистов, шинкарь Лейба из-

девательств над собой и своей семьей не выдержал и кого-то там заложил... что, естественно, послужило дополнительным источником вины и стыда для определенной части класса.

Так что эта статья - своего рода выношенная, взлелеянная месть. Запоздалый, трусливый ответ любителям художественных пыток, скрывающимся под личиной составителей методических пособий.

Господи, да неужели они - кто бы они ни были, эти ловцы душ, эти бойцы невидимого фронта, - столь иезуитски хитры? Или все эти манипуляции с неокрепшей детской психикой осуществлялись совершенно бессознательно и именно потому безошибочно? И все же у меня есть смутное подозрение, что планы эти, как бы ни вовлекались в них полувменяемые женщины с дипломами "филологов и преподавателей русской литературы" и психологией торжествующих неудачниц, все же терпели крах в зародыше. Не из-за бунтарства и инакомыслия учеников (хотя я знала мальчика, которому грозили исключением из школы за то, что он отказался декламировать перед классом унизительный шевченковский отрывок - не в нашей школе, в другой... что лишь свидетельствует о размахе происходившего). А все по причине той же здоровой, столь ненавидимой идеологией, обывательской компоненты, присутствующей в каждом нормальном человеке - из-за естественного отвращения к унылым однообразным мерзостям, хлынувшим со страниц школьной хрестоматии. Как знать, не являются ли знаменитые жемчужины черного юмора типа "дети в подвале играли в гестапо - зверски замучен сантехник Потапов" естественной психологической защитой от нравоучительного мартиролога? Или дело обстоит еще проще - ведь, в сущности, тех, кто в школе до конца и с удовольствием осилил "Молодую гвардию" и "Поднятую целину", были единицы. Во всяком случае на последней странице "Как закалялась сталь", - книгу я заказала в районной библиотеке, - неразвитым детским почерком было приписано: "кто прочитает эту книгу, тот пусть считает себя полным уродом". А ниже, уже другим почерком, но тоже детским - "да, ты прав!".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гоголь Н.В.* Избранные сочинения. М, 1985.
2. *Николаев П.А.* Художественные открытия Гоголя // *Гоголь Н.В.* Избранные сочинения. М., 1985.
3. *Шолохов М.* Поднятая целина. М., 1981.
4. *Фадеев А.* Разгром. Молодая гвардия. М., 1979.
5. *Бойко М.* Формирование марксистско-ленинского мировоззрения учащихся в процессе изучения литературы. Киев, 1981.
6. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 9.
7. Русская советская литература. Учебник для 11 класса средней школы. М., 1989.
8. Идеино-нравственное воспитание учащейся молодежи в процессе преподавания литературы (в помощь учителю средней школы). Новгород, 1979.
9. *Горький М.* Собрание сочинений в 30 т. М., 1949-1955. Т. 24.
10. *Маркиз де Сад.* Жюстина, или Несчастливая судьба добродетели. Петрозаводск, 1992.
11. *Маркиз де Сад.* Жюстина. Шахты, 1993.
12. *Выготский П.* Психология искусства. М., 1986.
13. *Фрейд З.* Три очерка по теории сексуальности // *Фрейд З.* Психология бессознательного. М., 1989.
14. *Фон Захер-Мазох Л.* Венера в мехах // *Фон Захер-Мазох Л.* Наслаждение в боли. М., 1999.
15. *Фрейд З.* Ребенка бьют // *Фон Захер-Мазох Л.* Наслаждение в боли. М., 1999.
16. *Фадеев А.* О литературе. М., 1982.
17. *Маркиз де Сад.* Философия в будуаре. М., 1992.
18. *Шведов С.* Уроки букваря // Знание - сила, 1991. № 1.